

НООСФЕРНОЕ ПРАВО

УДК 172 + 340.12

ББК 87.7

Е. А. Бородин

ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В центре внимания автора — вектор формирования и развития языка правовых актов и глобального правосознания в целом в процессе перехода от природоохранного права к глобальному ноосферному праву. Исходный посыл статьи — тезис о том, что именно язык, позволяет фиксировать изменения, происходящие в правосознании, а также в развитии общественного сознания. Обосновывается вывод о необходимости закрепления за природой (биосферой) статуса субъекта ноосферного права.

Ключевые слова: язык правосознания, инвайронментальное право, право устойчивого развития, глобальное право, ноосферное право.

E. A. Borodin

GLOBAL LANGUAGE OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS

The article seeks to determine the vector of development and formation of the legislation language and global law consciousness in the transition from environmental law to a global noospheric law. The initial promise of the article — the idea that language allows to trace the changes in the law consciousness as well as in the development of social consciousness. Substantiates the conclusion about the necessity of securing for a nature (biosphere) the status of the noospheric law subject.

Keywords: language of law consciousness, environmental law, law to sustainable development, global law, noospheric law.

Бородин Евгений Андреевич [Eugene A. Borodin] — кандидат философских наук. Ивановский государственный университет [Ivanovo State University]. E-mail: eugeneborn@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 23.04.2016; рекомендован к публикации 1.10.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук Мантатов Вячеслав Владимирович.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

В условиях сложного поиска наиболее оптимальной модели организации общества и морового сообщества, нарастающих темпов экономического роста и беспрецедентного подчинения окружающей среды техносфере огромное значение в ориентации масс приобретает язык правосознания осознания как один из факторов перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации. Отражая общеязыковые тенденции, в основе которых лежат различные политические, экономические и социальные процессы, влияющие на сознание (правосознание), психологию индивидуума и общества, язык, позволяет определить изменения, происходящие в правосознании, а также в развитии общественного сознания. Настоящая статья посвящена исследованию взаимосвязи языка и формирования глобального правосознания в процессе перехода от природоохранного права к глобальному ноосферному праву.

Под правосознанием понимается совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным. Оно выступает как специфическое отражение экономических, политических и иных отношений в данном обществе, положения классов и индивидов в системе общественного производства и социально-политической структуре.

Логика развития правового сознания применительно к процессам перехода биосферы в ноосферу в XX веке [4; 28] может быть представлена цепочкой понятий «природоохранное право», «экологическое право», «инвайронментальное право», «право устойчивого развития», «глобальное право», «ноосферное право».

Природоохранное право возникло в индустриальный период общественного развития как область правового регулирования природопользования, еще не интегрированная в целостную экологическую картину мира. В индустриальный период, характеризующийся акцентом на развитие промышленности, человеком были освоены материальные ресурсы, энергия и сырье. На этом этапе экономического развития, преобладала антропологическая парадигма, идущая в первую очередь от «социального» — потребностей человека. Сложилось мировоззрение в разрезе экологии получившее название «парадигма человеческой исключительности». С. Клаусер, который ввел понятие «человеческой исключительности» в научный оборот, определил его как «веру в прерывность эволюции между человеком и другими биологическим существами» [1, с. 11].

В этот период, государство в большей степени по средствам права регулирует отношения по приобретению права собственности на землю, природные ресурсы и средства производства. Развитие получает *природоресурсное право, регламентирующее порядок использования и потребления человеком природных ресурсов для развития промышленности и техносферы*. На законодательном уровне закрепилось потребительское отношение человека и общества к природе, идея о неисчерпаемости природных богатств и исключительности человеческих нужд и интересов.

Проблема охраны природы от загрязнения оценивалась в этот период в основном как санитарная, а не экологическая. Это означало, что при регулировании охраны атмосферного воздуха и вод учитывались преимущественно интересы охраны здоровья человека, а не всех живых организмов, страдающих от загрязнения. Соответственно отношения по охране вод и атмосферного воздуха в определённой мере регулировались санитарным законодательством.

Так, например, в РСФСР с 1917 года природоресурсное право являлось правом исключительной государственной собственности на все природные ресурсы — недра, леса, воды, землю и другие ресурсы. Декретом «О земле», принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года, была проведена сплошная национализация земли вместе с другими природными богатствами. На начальном этапе советской власти горное, водное, лесное право рассматривались как самостоятельные отрасли права. Впоследствии, в 30-е годы XX века, самостоятельность горного, водного, лесного права стала отрицаться, поскольку возобладала теория единого земельно-колхозного права. Так, вплоть до 1970-х годов в развитии законодательства рассматриваемой сферы господствующим был природоресурсный подход. Это означает, что регулирование природопользования и охраны природы осуществлялось применительно к отдельным природным ресурсам. В начале 1920-х годов был принят ряд законов и декретов Правительства, включая декрет СНК РСФСР «О санитарной охране жилищ» (1919 г.), СНК РСФСР «О недрах земли» (1920), декрет СНК РСФСР «Об охоте» (1920), декрет СНК РСФСР «Об охране памятников природы, садов и парков» (1921), Земельный кодекс РСФСР (1922), Лесной кодекс РСФСР (1923), постановление ЦИК и СНК СССР «Об основах организации рыбного хозяйства Союза ССР» (1924) и другие. С принятием указанных правовых актов в правовую обиход стали входить такие термины как «бессрочное природопользование», «землепользователи», «лесопользователи», «водо-

пользователи» и т. д.; «удовлетворение хозяйственных потребностей», «оборот рубки леса», «заготовка леса», «отпуск древесины», «пользование и распоряжение недрами земли», «поиски, разведки, добыча, извлечение, обогащение и переработка полезных ископаемых», «распределение добытых полезных ископаемых», «эксплуатация недр», «горнопромысловые операции», «разработка естественных богатств», «хозяйственное использование природных объектов» и другие (Рис. 1).

Рис. 1. «Язык» природоресурсного права

Образование специальной отрасли природоохранного права, регулирующего порядок использования человеком окружающей природной среды, не решило проблему надвигающегося экологического кризиса. В индустриальный период к уничтожению лесов, распашке целинных земель, эрозии и засолению почв, снижению биоразнообразия, добавились новые, постоянно действующие механические и физико-химические факторы, усугубляющие экологический

риск. Таким образом, под природоохранным правом целесообразно понимать совокупность форм права, регламентирующих в большей степени, чем в природоресурсном праве, порядок ограниченного использования природных ресурсов и их охрану.

Массив кодификационного природоохранного законодательства сложился в основном в период с 1970 по 1982 год. Он включал такие акты, как Земельный кодекс РСФСР (1970), Водный кодекс РСФСР (1972), Кодекс РСФСР о недрах (1976), Лесной кодекс РСФСР (1978), Закон РСФСР об охране атмосферного воздуха (1982), Закон РСФСР об охране и использовании животного мира (1982). Эти законы были приняты в соответствии с Основами земельного, водного, лесного и горного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законами СССР об охране атмосферного воздуха и об охране и использовании животного мира.

Рис. 2. «Язык» природоохранного права

В этот период вектор развития языка природоохранного правосознания впервые обнаружил направленность на сохранение и восстановление природы. В правовой оборот входят такие понятия как «регулирование использования и охраны растительного мира и лесов», «комплексное использование и охрана вод», «упорядочении отстрела диких копытных животных», «рекультивация

земель», «экологизация хозяйственной и производственной деятельности», «обязанность по охране окружающей среды», «рациональное и безопасное использование природного ресурса», «ответственность за нарушения в области экологопользования» [ст. 46—47, 50—87 КоАП РСФСР] (Рис. 2). В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1988 года «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» был закреплен такой важнейший экологический термин как «экологическая безопасность страны».

Однако, несмотря на наличие природоохранительной цели, такое право является «правом неустойчивого развития», оно регулировало общественные отношения в системе «Человек — Природа» и не решало вопроса существенного ухудшения окружающей среды и не отдаляло человечество от глобальной экологической катастрофы.

Впоследствии экологический цикл наук значительно расширился за счет социально-гуманитарных приложений к общей экологии, таких как глобальная экология, экология человека, социальная экология, экология культуры, экология сознания, экология духа. Именно развитие экологии обеспечило экологизацию правового сознания, что нашло отражение в понятии экологического права.

Профессор Б. В. Ерофеев обоснованно отмечает, что «формирование современной отрасли экологического права прошло три основных этапа: возникновение, становление и развитие экологического права в рамках "земельного права в широком смысле"; развитие экологического права в рамках природоресурсовых отраслей; современный период развития экологического права, его выход за рамки природоресурсовых отраслей, переход к природоохранному праву» [8, с. 79]. Таким образом, *под экологическим правом понимается природоресурсное, природоохранное право и право природопользования, устанавливающее взаимосвязи и взаимодействие в системе «Человек — Природа».*

В экологическом праве лексический смысл правовых терминов особенно не отличается от природоохранных терминов, просто можно отметить его расширение и конкретизацию. Язык экологического правосознания наполнен следующими терминами: «безопасное антропологическое воздействие», «ресурсопользование», «внутренние морские воды», «биосфера», «водные ресурсы», «водопользование», «возобновление», «восполнение», «восстановление и воспроизводство природных ресурсов», «государственный кадастр природных ресурсов», «государственный мониторинг природных ресурсов», «животный

мир», «интегральный природный ресурс», «комплексное ресурсопользование», «континентальный шельф Российской Федерации», «лесной фонд», «лимиты ресурсопользования», «лицензия на ресурсопользование», «невозобновимые природные ресурсы», «неживые (минеральные) ресурсы исключительной экономической зоны РФ», «рациональное ресурсопользование», «ресурсный баланс», «ресурсодержатели», «ресурсопользователи», «специально уполномоченный орган управления использованием и охраной природного ресурса», «территориальное море Российской Федерации», появляется термин «устойчивое развитие» [3; 6; 13; 18; 29; 30; 31].

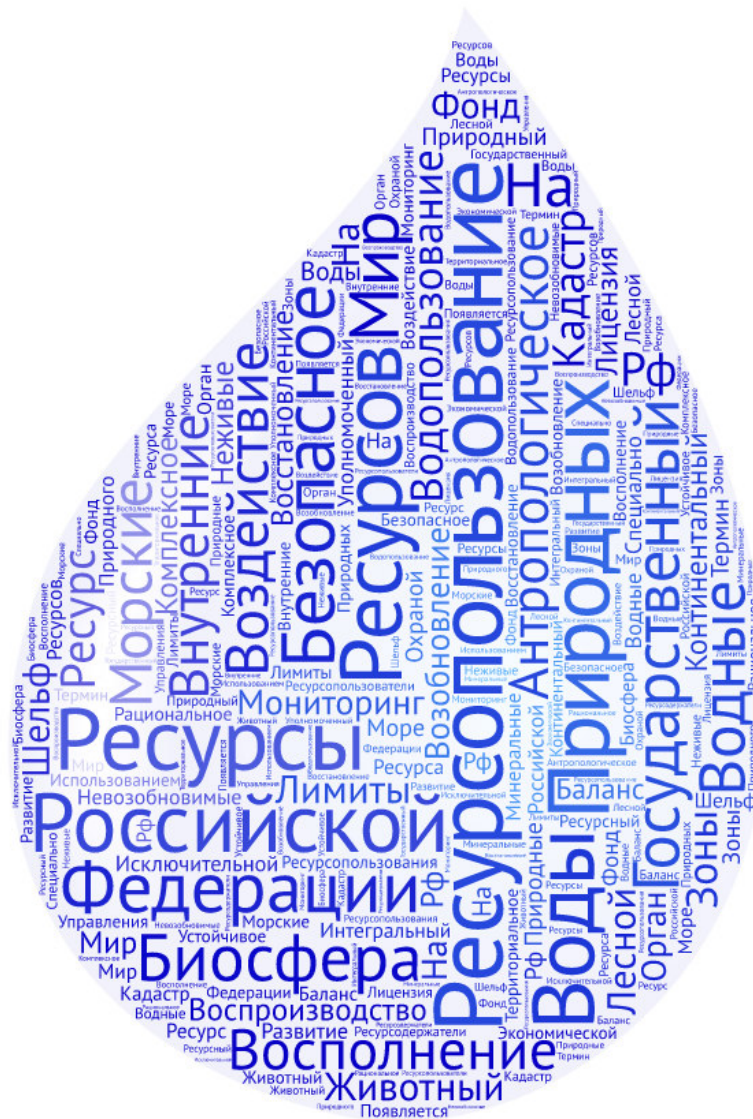

Рис. 3. «Язык» экологического права

На этапе развития, когда информационные технологии становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить взгляды людей и в

том числе законодателей с антропоцентрических на инвайронментальные (идушие от природы, рассматривающей человека, как элемент целостной природной системы), «живое право» как право, направленное на сохранение всего живого, пройдя стадии природоохранного и экологического трансформируется в право устойчивого развития, глобальное, инвайронментальное и ноосферное право.

Н. Н. Моисеев формулирует постулат, раскрывающий роль «участника мирового эволюционного процесса»: «когда происходит формирование новой схемы взаимоотношения Человека и Природы, когда накопленные знания постепенно рождают новое понимание реальности, то это означает и новые действия, как-то меняющие окружающий мир, а следовательно, и характер его эволюции» [15, с. 97]. Анализируя творчество Н. Н. Моисеева в сфере философии и метафилософии, следует сказать, что наиболее точно смысл его построений можно было бы выразить термином «инвайронментальный (environmental) дискурс». Если переводить термин «environment» не дословно, а модернистски, то мы получим «окружение среды ума, или разума» [21, с. 118]. Применительно к живому праву, в котором «среда формирует разум, а разум, в свою очередь, формирует среду» [см.: 21], можно вести речь о ноосферном праве.

Экологическая трактовка права, создающая правопорядок в системе «Человек — Природа» расширяется за счет других составляющих до системы «Человек — Общество — Природа». Происходит становление *инвайронментального права, т. е. права окружающей человека среды в широком смысле этого слова, регулирующего как социально-экономические (средовые) отношения, так и экологические (отношения человека с окружающей природной средой)*.

В языке инвайронментального правосознания происходят следующие изменения. Если в экологическом праве речь идет об охране и порядке пользования окружающей природной среды, то в инвайронментальном — об охране окружающей среды в целом, в широком смысле слова. В связи с этим, в правовой языковой оборот все активнее входит понятие «устойчивого развития» [5], «национальная и международная безопасность».

Директор Центра глобальных исследований, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, академик А. Д. Урсул, развивая идею устойчивого развития, полагает, что правовое осмысление устойчивого развития можно интерпретировать и развивать «через нормы и императивы безопасности (национальной и международной), и через другие составляющие,

<...> ранее рассматриваемые как относительно автономные формы человеческой деятельности» [25, с. 25]. Иными словами, устойчивого развития можно добиться не только решая инвайронментально-экологические (человеко-природные) проблемы, но и инвайронментально-средовые (человеко-средовые) проблемы экономики, безопасности, социальные проблемы в области деятельности человека. Право устойчивого развития мыслится автором в качестве одного из наиболее вероятных вариантов «качественно нового — глобального — права при переходе к устойчивому развитию и соответствующему этому переходу глобальному управлению» [25].

Становление права устойчивого развития, согласно концепции А. Д. Урсула, способствует формированию планетарного уровня управления, который обоснованно представляется автору беспрецедентным и весьма трудно реализуемым процессом, когда около двух с половиной сотен государств (из которых 193 — члены ООН, и еще Ватикан, а также страны, не признанные большинством членом ООН и с не определенным пока статусом) должны будут подчиняться единым общецивилизационным императивам и социальным технологиям глобального перехода к мировой устойчивости [25].

Формирование глобального управления потребует кардинальной трансформации нравственных и правовых норм глобализирующегося человечества. Причем эти нормы в существенной степени будут отличаться от нынешнего международного и национального права и традиционных и общепризнанных нравственных норм и императивов, включая ряд общечеловеческих стереотипов [24; 27].

Появление термина «глобальное право» вполне закономерно на волне интенсивного развития глобалистики как важного направления осмысления глобальных проблем современности. Интересно, что зарубежные ученые, например, У. Бек, обращается к категории «космополитическое право» [2, с. 182], хотя по содержанию они практически совпадают. Дальнейшую эволюцию глобального права, которое будет основано на концепции устойчивого развития как будущей форме развития цивилизации, А. Д. Урсул связывает с космическим правом.

Эта отрасль международного права распространяется на космос и космическую деятельность, но в то же время имеет не просто международный, но и глобальный характер. Международное космическое право даже в его современном несовершенном виде представляет собой «опережающее право», которое,

как считает известный учёный Г. П. Жуков, «призвано предвосхищать поведение отдельных государств в сфере космической деятельности на многие десятилетия и даже столетия вперед» [9, с. 397]. Именно Международное космическое право в действительности представляет собой юридическую реализацию концепции космоглобализма и космоглобалистики, являясь юридической экспликацией космоэкологических и космоглобалистических идей и принципов, распространяя их наземное и космическое пространство [26, с. 33].

Таким образом, инвайронментальная парадигма [16], задающая общенаучные основания инвайронментального права, чрезвычайно близка ноосферному видению мира [19; см. также 20], особенно если учитывать, что всемирная история окружающей среды [17] неотрывна от Большой ноосферной истории [21].

Человечество вступило в эпоху, когда не только классическими, но и неклассическими методами познания нельзя не только описать, но и выявить специфику современных социальных процессов. Все больше исследователей склоняется к мысли, что методология познания современных социальных процессов должна быть основана на постнеклассической философии. Одним из методов постнеклассической философии является инвайронментальный метод познания права, который диктует необходимость изучения указанного объекта с учетом процессов глобализации.

Однако не все ученые положительно относятся к использованию термина «глобальное» применительно к праву. Так, в своих работах, доктор политических наук, профессор В. М. Капицын отмечает, что термин «глобальное право» вызывает серьёзные возражения. При этом автор, опирается на позицию А. А. Ицхокина, который считает, что «глобализация — это, прежде всего, экономическая категория, опирающаяся на универсализм и сама максимально оправдывающая его. Но это оправдание только обостряет антиномию универсализма и контекстуализма» [10, с. 253]. В. М. Капицын считает, что термин «глобальное право» может стать универсалистским символом «колониализма», оправдывая «гуманитарные интервенции», свержение авторитарных режимов, которые нередко обусловлены не только диктаторскими чертами правителей, но и сложными политическими и конфессиональными конфигурациями внешних и внутренних акторов, угрозами фундаментализма и терроризма и т. д. (Ирак, Сирия, Йемен, Египет, Иран) [12].

Автор аргументирует, что глобализация сеет в мировоззрении большинства народов представление о несправедливости, латентном и явном насилии по отношению к населению за пределами «золотого миллиарда», а в России — особенно за пределами Москвы и некоторых других крупных городов, на окраинах, в селах и маленьких городах. Так сеются зёрна не-права на разных территориях, а термин «глобальное право» слабо коррелируется с правосознанием [12].

Таким образом, М. В. Капицын, выдвигает сразу несколько аргументов против понятия «глобальное право» (критикуя при этом и «космополитическое право» У. Бека [2, с. 182]). «Если говорить о зарождающемся "новом праве", — пишет автор, — то более полезным и адекватным реалиям был бы термин "гуманитарно-ноосферное право". В этом понятии учитывались бы только приоритет прав человека, но и ответственность за состояние экономики, социальной сферы, экологии в индивидуальном, локальном, региональном, национально-государственном и международном масштабе» [11]. Именно гуманитарно-ноосферное право, по мнению В. М. Капицына, «способствует поиску гармоничного соединения символов прав человека и окружающей среды, глобального и национально-государственного начал, переносимых на уровень правовой политики» [11]. Анализ содержательной стороны понятия «гуманитарно-ноосферное право», закономерно приводит к его расширению и фиксации понятия «ноосферное право», которое включает в себя коннотации гуманитарного, гуманистического, антропологического, экологического характера.

Так, в язык правосознания входит понятие «ноосферное право», классическое содержание которого можно определить следующим образом: ноосферное право — современное продолжение философии естественного права, но понимаемого в современном — широком экологическом ключе, а значит фактически выходящем сначала на глобальный уровень, а затем и на биосферно-ноосферный, понимаемый в контексте учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

В рамках концепции ноосферного права создан проект Ноо-Конституции [7], который представляет собой квинтэссенцию теоретических разработок в области космизма. Этот документ — своего рода научный Завет молодому поколению Землян, содержащий идеологическую и мировоззренческую концепцию. Авторы Ноо-Конституции в связи с появлением новой науки о современном мире — глобалистики, впервые отражающей мир, как единство природы и

общества, закономерности его динамики, его антропогенные пределы и внутренние взаимосвязи — предлагают «поствернадовское» определение понятия «ноосфера». Они определяют ноосферу как непрерывно расширяющуюся во времени и пространстве сферу разума и духа Земной, научно управляемой, космически значимой цивилизации, жизнедеятельность которой достигается гармоничным взаимодействием человечества и биосферы в целом, регламентированным непревышением пороговой плотности (мощности) антропогенной нагрузки примерно 70 кВт/кв.км. и гармонией внутри самого мирового сообщества, достигаемой при индексе социально-экономической дисгармонии меньше 10–15 (в настоящее время он приближается к 100). Глобалистика научно доказывает необходимость соответствующих этим параметрам правил поведения людей в настоящем и будущем. Именно такие правила объединены в проекте Ноо-Конституции, который рассматривает Человечество как духовно-экологическую категорию с правовым статусом и социальной ролью.

В Ноо-Конституции впервые духовно-экологические аспекты жизнедеятельности человека описаны в понятиях вечного триединства: информация — энергия — материя. Авторы обосновано отмечают, что во Вселенной идет непрерывный обмен и взаимопревращение информации, энергии и материи. Информация и энергия дают рождение материи. Материальные тела формируются из физического вакуума — торсионных полей (элементарных частиц энергии). Вещество, таким образом, — это уплотненная энергия.

Духовность, дух человека связан с информационной составляющей (потенциальной энергией); душа — с энергетической оболочкой духа (кинетической энергией); тело — с плотной материальной компонентой. Ученые приходят к выводу, что человек — это совокупность духовно-душевных (энергоинформационных) составляющих, которые тесно связаны с космической и биологической ипостасью, и в свою очередь, являются нравственной основой материальной компоненты (тела), и обладают социальной ролью.

Ноо-Конституция представляет собой этический кодекс, который, по замыслу авторов, должен стать созвучным понятию «коллективная совесть человечества», т. е. жизни в соответствии с едиными законами мироздания. Основной её постулат не наказание провинившихся, но поощрение справедливости. Таким образом, в формирующемся на основе положений Ноо-Конституции ноосферном праве, должны будут преобладать не санкции, а поощрительные нормы. Ноо-Конституция — следующий этап развития общественной жизни,

но не с насильственным механизмом применения права, а с принципом сознательного, добровольного следования ему.

Авторы Ноо-Конституции обосновано полагают, что после её принятия Человечеством станут, в частности, возможны [7]: интеграция народов в единую цивилизацию; создание основ Всемирного космического права; совершенствование законодательных систем государств Мира; уточнение действующих прав и свобод человека и их дополнение более высокими по значимости правовыми нормами; осознание вселенской роли человечества; установление всеобщего мира, предотвращение гибели планеты и уничтожения человеческого общества; установление правового статуса Земли (Планетарное Право); эволюционный переход от техносферной организации жизнедеятельности к духовно-экологической — ноосферной; глобальный переход к социократии; отмена разрушительных капиталистических отношений; содействие развитию экологически чистых, ресурсосберегающих технологий; контроль трудно регистрируемых воздействий, наносящих непоправимый ущерб природе и обществу (Рис. 4).

Ноо-Конституция как и Декларация прав природы позволяют сделать вывод о том, что *для формирования устойчивого развития, а также будущего ноосферного правопорядка необходимо пересмотреть правовой подход к природе как к объекту (вещи) правового регулирования*. При переходе к ноосферному обществу за природой необходимо закрепить статус субъекта ноосферного права. Все живое вещество — люди, растения, звери, насекомые, птицы, экосистемы имеют самостоятельную ценность и обладают моральными правами. На начальном этапе формирования ноосферного права моральные права природы защищены лишь ноосферно-правовыми обычаями и не закреплены нормативно. Однако со временем, моральные права природы должны стать юридическими.

Ярким примером юридического закрепления прав природы является Конституция Эквадора, в которой указано, что для достижения «всеобщего благоденствия» провозглашается право каждого на проживание в экологически сбалансированной и благоприятной окружающей среде. В Конституции Эквадора прослеживается тенденция очеловечивания природы, которая впервые в мировой конституционной практике наделяется собственными конституционными правами. Природа или «Пача Мама» имеет право на всеобщее уважение, под-

Библиографический список

1. *Klausner S. Z.* On man in his environment. San Francisco: Jossey-Bass, 1971. 224 p.
2. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 311 с.
3. *Бринчук М. М.* О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 20—28.
4. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. *Вершило Н. Д.* Правовая охрана окружающей среды и устойчивое развитие. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. акад. права». 2005. 124 с.
6. Водный кодекс РФ // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4471.
7. *Гордина Л. С., Лимонад М. Ю.* Ноосферная этико-экологическая конституция человечества. Москва-Торопец: РИТА, 2007. 104 с.
8. *Ерофеев Б. В.* Экологическое право. М.: Юриспруденция, 1999. 448 с.
9. *Жуков Г. П.* Международное космическое право и вызовы XXI столетия // Черток Б. Е. Космонавтика XXI века. М.: РТСофт, 2010. С. 397—422.
10. *Ицхокин А. А.* Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М.: Огни, 2003. 539 с.
11. *Капицын В. М.* Правовая политика государств в условиях глобализации // Современные проблемы государственной политики и управления. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/9bf/1a2/3370065/Kapitsyin_V.M._Pravovaya_politika_gosudarstva_v_usloviyah_globalizatsii.pdf. (Дата обращения 31.05.2016).
12. *Капицын В. М.* Универсализм versus контекстуализм: антиномическое влияние на развитие правовой политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/430/04a/3438636/Kapitsyin_V.M._Universalizm_versus_kontekstualizm.pdf. (Дата обращения 31.05.2016).
13. Лесной кодекс РФ // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610.
14. *Мартынова М. Ю.* Новая Конституция Эквадора: социализм XXI века // Право и управление. XXI век. 2009. № 2 (11). С. 69—80.
15. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.

16. *Науменко О. А.* Новая инвайронментальная парадигма как этап перехода от биосферы к ноосфере в идеях представителей русского космизма // Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее: материалы Международной научно-практической конференции. Орёл: Издательство ООО «Модуль-К», 2011. С. 194—201.
17. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
18. *Реймерс Н. Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с.
19. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. № 1. С. 57—64.
20. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 515 с.
21. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
22. *Суббето А. И.* Ноосферная культура и экономика Севера. СПб.: Астерион, 2012. 30 с.
23. *Суббето А. И.* Самоутверждение России в XXI веке как Лидера в Ноосферном прорыве человечества. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 28 с.
24. *Урсул А. Д.* Глобальное измерение права // Вопросы права и политики. 2012. № 5. С. 90—146.
25. *Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16—27.
26. *Урсул А. Д.* Космоглобалистика: взаимосвязь глобальных и космических процессов // Философия и космология. 2012. № 1(10). С. 7—51.
27. *Урсул А. Д.* Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // Вопросы права и политики. 2013. № 6. С. 63—134.
28. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: Сборник статей. В 2-х т. / Отв. ред. Э. В. Гирусов. М.: АН СССР, 1990. Т. 1. 236 с.; 1991. Т. 2. 236 с.
29. Федеральный закон РФ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
30. Федеральный закон РФ «О континентальном шельфе РФ» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

31. Федеральный закон РФ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6273.

References

1. *Klausner S. Z.* On man in his environment. San Francisco: Jossey-Bass, 1971. 224 p.
2. *Beck U.* Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie. M.: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva, 2008. 311 s.
3. *Brinchuk M. M.* O poniatiinom apparate ekologicheskogo prava // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. S. 20—28.
4. *Vernadskii V. I.* Nauchnaia mysl' kak planetnoe iavlenie. M.: Nauka, 1991. 271 s.
5. *Vershilo N. D.* Pravovaia okhrana okruzhaiushchei sredy i ustoychivoe razvitie. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaia gos. akad. prava». 2005. 124 s.
6. Vodnyi kodeks RF // SZ RF. 1995. № 47. St. 4471.
7. *Gordina L. S., Limonad M. Iu.* Noosfernaia etiko-ekologicheskaiia konstitutsiia chelovechestva (Noo-Konstitutsiia). Moskva-Toropets: RITA, 2007. 104 s.
8. *Erofeev B. V.* Ekologicheskoe pravo. M.: Iurisprudentsiia, 1999. 448 s.
9. *Zhukov G. P.* Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo i vyzovy XXI stoletia // Chertok B. E. Kosmonavtika XXI veka. M.: RTSoft, 2010. S. 397—422.
10. *Itskhokin A. A.* Restavriiua smysl. Chego ne doskazal Zaratustra. M.: Ogni, 2003. 539 s.
11. *Kapitsyn V. M.* Pravovaia politika gosudarstv v usloviakh globalizatsii // Sovremennye problemy gosudarstvennoi politiki i upravleniia. 2012. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/9bf/1a2/3370065/Kapitsyn_V.M._Pravovaya_politika_gosudarstva_v_usloviyah_globalizatsii.pdf. (Data obrashcheniia 31.05.2016).
12. *Kapitsyn V. M.* Universalizm versus kontekstualizm: antinomicheskoe vliianie na razvitie pravovoi politiki [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/430/04a/3438636/Kapitsyn_V.M._universalizm_versus_kontekstualizm.pdf. (Data obrashcheniia 31.05.2016).
13. Lesnoi kodeks RF // SZ RF. 1997. № 5. St. 610.
14. *Martynova M. Iu.* Novaia Konstitutsiia Ekvadora: sotsializm XXI veka // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2009. № 2 (11). S. 69—80.
15. *Moiseev N. N.* Byt' ili ne byt' chelovechestvu. M.: Ul'ianovskii Dom pečati, 1999. 288 s.

16. *Naumenko O. A.* Novaia invironmental'naia paradigma kak etap perekhoda ot biosfery k noosfere v ideiakh predstavitelei russkogo kosmizma // *Russkii kosmizm: proshloe, nastoiashchee i budushchee*. Orel: Izdatel'stvo OOO «Modul'-K», 2011. S. 194—201.
17. *Radkau I.* Priroda i vlast'. Vsemirnaia istoriia okruzhaiushchei sredy. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 472 s.
18. *Reimers N. F.* Ekologiya (teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy). M.: Zhurnal «Rossiya Molodaia», 1994. 367 s.
19. *Smirnov G. S.* Noosfernaia kartina mira i sovremennoe obrazovanie // *Vestnik RAEN*. 2003. № 1. S. 57—64.
20. *Smirnov G. S.* Obrazovanie noosfery: filosofsko-metodologicheskie problemy. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. 515 s.
21. *Smirnov D. G.* Noosfernaia ideia i noosfernaia istoriia: vvedenie v universumnuu kliosofiiu. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2012. 250 s.
22. *Subbeto A. I.* Noosfernaia kul'tura i ekonomika Severa. SPb.: Asterion, 2012. 30 s.
23. *Subbeto A. I.* Samoutverzhdienie Rossii v XXI veke kak Lidera v Noosfernom proryve chelovechestva. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2010. 28 s.
24. *Ursul A. D.* Global'noe izmerenie prava // *Voprosy prava i politiki*. 2012. № 5. S. 90—146.
25. *Ursul A. D.* Global'noe upravlenie: evoliutsionnye perspektivy // *Vek globalizatsii*. 2014. № 1. S. 16—27.
26. *Ursul A. D.* Kosmoglobalistika: vzaimosviaz' global'nykh i kosmicheskikh protsessov // *Filosofiya i kosmologiya*. 2012. № 1(10). S. 7—51.
27. *Ursul A. D.* Pravo ustoichivogo razvitiia: kontseptual'no-metodologicheskie problemy stanovleniia // *Voprosy prava i politiki*. 2013. № 6. S. 63—134.
28. Uchenie V. I. Vernadskogo o perekhode biosfery v noosferu, ego filosofskoe i obshchenauchnoe znachenie: Sbornik statei. V 2-kh t. / Otv. red. E. V. Girusov; *Filos. o-vo SSSR*. M.: AN USSR, 1990. T. 1 / red. Khakimov R. Z. 236 s.; 1991. T. 2 / red. Glinskii B. A. 236 s.
29. Federal'nyi zakon RF «O zhivotnom mire» // *SZ RF*. 1995. № 17. St. 1462.
30. Federal'nyi zakon RF «O kontinental'nom shel'fe RF» // *SZ RF*. 1995. № 49. St. 4694.
31. Federal'nyi zakon RF «Ob iskluchitel'noi ekonomicheskoi zone Rossiiskoi Federatsii» // *SZ RF*. 1998. № 51. St. 6273.